

Г. А. Меликишвили

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАИРИ-УРАРТУ*

Советской исторической науке принадлежат большие заслуги в деле разработки вопросов социально-экономической истории стран древнего Востока. Но степень разработанности в нашей исторической науке социально-экономической истории всех стран древнего Востока далеко не одинакова. Вопросы социально-экономической истории одного из значительнейших государств древнего Востока — Урарту и других политических образований Наири¹ относятся к кругу наиболее слабо изученных вопросов. Причиной этого является, конечно, в первую очередь недостаточность наших источников. Из Урарту мы пока что почти совсем не располагаем частноправовыми документами, деловой корреспонденцией или же документами хозяйственной отчетности, которыми так богата Месопотамия. Имеется всего лишь около десятка глиняных табличек или их фрагментов, добытых во время раскопок в Ване и Кармир-блуре, которые, очевидно, содержат документы такого характера, но малочисленность их не позволяет сделать какие-нибудь обобщения. Поэтому из письменных источников в нашем распоряжении оказываются лишь победные, строительные и культовые надписи урартских царей, содержащие материал главным образом для политической истории, а также религии. Ассирийские источники — царские исторические надписи, царская корреспонденция и некоторые религиозные тексты позднеассирийской эпохи также содержат много ценного, преимущественно для политической истории. Несмотря на это, тщательное изучение даже таких письменных памятников может дать многое для социально-экономической истории урартского общества. Кроме того, результаты археологических раскопок, принявших в советский период широкий размах на территории тех районов Закавказья, которые в древности входили в состав государства Урарту, бросают яркий свет на многие, до сих пор неясные свидетельства письменных источников, увеличивая ценность этих последних для исследования социально-экономической истории Урартского государства.

Ассирийские и урартские источники, в частности, позволяют утверждать, что в Урартском государстве в большом количестве имелись ц а р с к и е (г о с у д а р с т в е н н ы е) х о з я й с т в а .

* Печатается в порядке обсуждения проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире.

¹ «Наири» с конца II тысячелетия до н. э. в ассирийских источниках выступает как общее, довольно неопределенное название территории, лежащей к северу от Ассирии, вокруг Ванского и Урмийского озер.

Характерную картину рисуют нам в этом отношении надписи Саргона II (722—705). Во время его знаменитого 8-го похода против Урарту (714 г. до н. э.) этот ассирийский царь на территории Урарту, как в центре, так и на периферии, в большом количестве встречает «укрепленные города». В отношении многих из них Саргон специально отмечает, что они являлись местопребыванием войск, — очевидно, в них стояли гарнизоны урартских царей. Это отмечается, в частности, по отношению к находящимся в районе Урмийского озера городу Аништания (ЛТ, 184), двенадцати одному сильно укрепленному городу области Сангибуту (ЛТ, 241), а также в отношении крепостей, расположенных в центре государства, в находившейся на южном побережье Ванского озера области Аиади¹ (ЛТ, 289). Эти урартские крепости, по данным Саргона, оказываются окруженными обширными садами, виноградниками, засеянными полями, пастбищами и т. п.; в крепостях имелись большие зернохранилища и кладовые для вина. Так, например, в районе Урмийского озера, на периферии Урартского государства, Саргон, захватив крепость Аништания вместе с «семнадцатью городами» (поселками), находящимися вокруг нее, предал огню их урожай, открывает переполненные амбары и их «бесчисленным зерном» кормит свои войска (ЛТ, 184—186); весь скот, который имелся у него в лагере, Саргон выпустил на пастбища, и он уничтожил всю растительность, от которой зависело благосостояние города, и разорил поля этого города (ЛТ, 187). Захватив находящиеся по соседству сильно укрепленные города Тарви и Тармакису, Саргон также сжигает огромный урожай этих городов, открывает переполненные амбары и «бесчисленным зерном» кормит своих воинов (ЛТ, 197—198). В области Сангибуту, расположенной севернее Урмийского озера, в двадцати одном сильно укрепленном городе Саргон захватывает «огромные кучи пшеницы и ячменя, которые они (жители этих крепостей) в продолжение многих дней собирали в амбары для содержания страны и [ее] населения». Почти все войско Саргона занялось перевозкой этих огромных запасов пшеницы и ячменя; перевозили на лошадях, мулах, верблюдах и ослах; посередине ассирийского лагеря нагромодили их в виде холмов, накормили войска, и много осталось еще для обеспечения питания воинов на обратном пути. Здесь же ассирийский царь вырубил прекрасные сады и многочисленные виноградники, принадлежавшие этим городам (ЛТ, 262—265).

Такая же картина рисуется нам, по данным Саргона, и в отношении центральных областей Урарту: в области Армарили ассирийцы, захватив семь крепостей вместе с тридцатью «городами», находящимися вокруг них, открывают «переполненные бесчисленным зерном амбары», предают огню урожай, вырубают их сады и леса и т. д. (ЛТ, 274—276); в крепостях области Аиади ассирийцы также находят огромные амбары (ЛТ, 295); вырубают сады и леса (ЛТ, 295—296); ассирийцы вырубают сады и леса также и вокруг одной из могущественнейших урартских крепостей — Хапаис (ЛТ, 303).

Типичная в этом отношении картина раскрывается перед нами и в городе Улху, находящемся в районе совр. Маранда (севернее Урмийского озера): в самом городе — огромные зернохранилища (ЛТ, 219), а также кладовые для вина (ЛТ, 220), вокруг города — прекрасные сады и виноградники (ЛТ, 223), а также поля с посевами (ЛТ, 229 сл.). Все эти обстоятельства для нас представляют особый интерес, так как, оказывается, что все здесь было создано по приказу урартского царя Русы I, который провел здесь каналы и превратил пустующие, необработанные места в цветущие

¹ О локализации Аиади см. Г. А. М е л и к ш в и л и, Урартоведческие заметки, ВДИ, 1951, № 3, стр. 178.

сельскохозяйственные районы. В самом городе Руса I построил царский дворец. Особенно интересно, что Саргон называет Улху «городом имущества (?) Русы» (âl nu(?)-ma-a-te-šu ša ĩur-sa-a — ЛТ, 216; ЗА, XXXIV, стр. 116). Естественно допустить, что созданные здесь, благодаря ирригационным и другим работам, сады, виноградники, поля с посевами и т. д. составляли в подавляющем большинстве собственность самого урартского царя. Находящиеся вокруг других урартских крепостей хозяйства, очевидно, в большинстве случаев также являлись царскими хозяйствами.

Это предположение подкрепляется и материалом урартских надписей. Многие урартские царские надписи, говоря о строительстве в разных районах царства крепостей (E·GAL) и «городов» (URU), при этом отмечают, что здесь же были созданы сады, виноградники, посева, были проведены каналы и т. д. Две надписи царя Менуа (конец IX в.) повествуют о строительстве этим царем в районе Гюзака (восточнее Ванского озера) крепости, которой было дано название «Город бога Халда» (haldi-patari; CİCh, 56, 70); вслед за этим в одной из этих надписей (CİCh, 56) говорится, что Менуа здесь устроил сад и виноградник, который назывался «виноградником Менуа». Преемник этого царя, Аргишти I, как известно, на левом берегу Аракса, на Армавирском холме, построил город Аргишти-хинили, ставший урартским административным центром в Южном Закавказье. Интересно, что вместе со строительством крепости, которая, несомненно, сделалась местопребыванием урартского гарнизона и наместника урартского царя, Аргишти здесь же развернул широкую хозяйственную деятельность — провел каналы (одна надпись говорит о проведении здесь четырех каналов), устроил сады и виноградники и т. д.¹ В надписи, высеченной на скале Караташ, близ Эрджиса, Сардури II говорит об устройстве виноградника, который носил название «Виноградник Сардури» (Sayce, 51, I). В надписи же, оставленной в районе Армавирского холма, Сардури упоминает о разведении им новых садов и виноградников²; устройством садов и виноградников здесь, как мы видели, занимался еще его отец, Аргишти I. Преемник Сардури II — Руса I восточнее Вана создает искусственное озеро, проводит каналы и в связи с этим говорит об устройстве, очевидно, на вновь орошаемых землях, виноградников и посевов (CİCh, 145, стк. 19).

О широкой деятельности такого характера, проводимой Русой II, повествует нам надпись на стеле, найденной при раскопках Звартноцского храма. По мнению проф. Б. Б. Пиотровского, эта надпись рассказывает о деятельности Русы II в долине, расположенной между высокими холмами напротив Кармир-блур и Эчмиадзином³. В надписи эта территория называется долиной страны Куарлини; говорится, что в стране Куарлини, где до этого времени не было обработанной земли, Руса, «по приказу бога Халда», разбил виноградник. Вслед за тем сказано, что Руса повелел здесь же наладить устройство⁴ посевов и садов, а также принялся за строительство города. В надписи говорится также о проведении из реки Илдаруни канала и устанавливается порядок жертвоприношений верховной триаде урартских божеств, когда канал оросит эту «долину Русы». Особенно

¹ «Летопись», стб. IV (Sayce, 40), стк. 71—73; CİCh, 112 B2, стк. 40—42; НКНЗ, 9, 24; см. Г. А. Меликишвили, Урартоведческие заметки, ВДИ, 1951, № 3, стр. 175.

² GIŠ_{ul-di} GIŠ_{za-ri-teV(?)} [GI]BIL te-ru-b[i]: НКНЗ, 14 + надпись из сел. Талиш (ИАН ООН, 1932, № 4, стр. 341—348), стк. 1.

³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, Ереван, 1950, стр. 26.

⁴ Так нам кажется возможным переводить слово šuĥe. Возможно, оно находится в связи с глагольной основой šu- «устраивать», «создавать» (см., например: NN ini 'ari šuni «NN это зернохранилище устроил». О значении 'ari см. ниже).

интересно то, что долину, которая будет орошаться проведенным здесь каналом, где, очевидно, были устроены или собирались устроить все эти сады, виноградники, пашни и т. д., надпись называет «долиной Русы», «долиной, принадлежащей Русе» (*rusa-inie ħubi*). Естественно допустить, что такое название эта территория получила потому, что все это представляло личную собственность царя Русы. Аналогичное положение встречается и в надписях Менуа: повествуя о проведении канала в районе Малазгирта, Менуа отмечает, что он довел канал до «долины Менуа» («долины, принадлежащей Менуа»)¹.

Итак, на основании материала, приведенного нами из ассирийских и урартских источников, выясняется, что на территории Урартского царства, как в центре, так и на периферии, мы в большом количестве встречаем крепости, являющиеся местопребыванием гарнизонов урартского царя и урартских царских наместников; вокруг крепостей находились сады, виноградники, поля с посевами; как нам кажется, именно для обслуживания последних были предназначены имевшиеся в этих крепостях крупные зернохранилища, кладовые для вина и т. п. В то же время выясняется, что во многих случаях здесь мы имеем дело с хозяйствами, созданными тем или иным урартским царем и принадлежащими, очевидно, ему лично. Таким образом, многие из крепостей, военно-административных центров Урарту, по всей вероятности, в то же время были центрами обширных царских (государственных) хозяйств.

Подтверждение этого положения можно найти также на примере одной группы урартских надписей, которая, по нашему мнению, до сих пор понималась неверно. Речь идет о тех надписях, в которых говорится о построении тем или иным царем определенного сооружения — 'arī. О построении 'arī говорят надписи Аргишти I из Вана (ClCh, 114) и Аринберда (НКНЗ, 22), Сардури II из Патноца (ClCh, 136), Аствацашена (Sayce, 62) и Арин-берда², а также надпись Русы III из Армавира (НКНЗ, 19). 'arī обыкновенно переводят как «крепость», полагая, что здесь речь идет о строительстве крепостей. Ошибочность этого мнения ясно выступает на примере одной недавно найденной надписи: в 1950 г. на окраине Еревана, на холме Арин-берд была найдена надпись Сардури II, повествующая об устройстве 'arī; но уже давно на том же месте найдена надпись предшественника этого урартского царя, Аргишти I, в которой также говорится о постройке 'arī (НКНЗ, 22). Ясно, что Сардури II не пришлось бы строить крепость на том самом месте, где крепость построил уже его отец, и поэтому понимание 'arī как «крепость» явно ошибочно. Смысл этого термина, как нам кажется, нетрудно установить. Во всех надписях, повествующих о построении 'arī, имеется фраза: «(столько-то) *капи* (есть) там (в нем)» (*x kapī ištini*). Полагали, что этим указывалось на количество камней, из которых была построена данная «крепость» ('arī); проф. Б. Б. Пиотровский же считает, что «в данном случае речь идет о величине площади крепости»³. Из летописи Сардури II (G, стк. 10) видно, что *капи* является мерой сыпучих тел (упоминается 1020 тысяч *капи* зерна). Поэтому естественнее всего допустить, что 'arī была зернохранилищем, при постройке которого цари всегда указывали, сколько *капи* зерна могло вместить устроенное ими 'arī (зернохранилище, амбар). Такие амбары урартские цари строили во многих пунктах своего царства.

¹ *ku-tu-ni ra-gi ĩme-nu-a-i-ni-e ħu-bi-i* (ClCh, 49, стк. 5—6).

² Надпись найдена в 1950 г. К. Л. Оганесяном и А. У. Погосьяном. Тогда же ими найдена здесь еще другая надпись, принадлежащая Аргишти I. Я пользуюсь транскрипцией этих надписей, полученной мною от проф. Б. Б. Пиотровского.

³ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, 1944, стр. 70—71.

Надпись Аргишти I из Вана говорит об устройстве 'agi, вмещающего 10 тысяч *капи*, надписи Сардури II из Патноца — больше 18400 *капи*, из Аствацашена — больше 15300 *капи*, надпись Русы III из Армавира — 1432 *капи*. Оказывается, что в одном и том же пункте могло быть несколько таких 'agi — зернохранилищ. Так, например, в крепости Ирпуни, расположенной на холме Арип-берд (на окраине нынешнего Еревана), Аргишти I строит 'agi, вмещающее 10 тысяч *капи* (зерна) (НКНЗ, 22), а его преемник Сардури II строит уже другое 'agi, вмещающее 5100 *капи* (зерна).

~~Аналогичную царскую надпись мы имеем и о построении~~ кладовых для вина. В надписи царя Менуа, найденной в Бостанкаиа, близ Малазгирта (СICh, 71), сказано, что Менуа «это gie построил (сделал), 900 *акарки* (есть) там (в нем)». Многие исследователи связывают gie этой надписи с часто упоминаемым в других урартских надписях словом giei и придают этому слову разное значение: «изображения», «камень», «святыня», «храм», «стены», «источник» и т. д.¹ Несомненно, что все эти предположения являются ошибочными; gie (ge?) вышеуказанной надписи, очевидно, ни в какой связи не находится с giei, являющимся, по всей вероятности, неопределенным местоимением². Несомненно, gie данной надписи Менуа является наименованием какого-то сооружения. Его можно связать с упоминаемым в найденном в Сигкехе фрагменте gi, перед которым стоит идеограмма «дом»³, указывающая также на то, что gie нашей надписи должно быть названием какого-то сооружения. В надписи из Бостанкаиа, вслед за упоминанием о построении царем Менуа «этого gie», стоит фраза, совершенно аналогичная той, которая встречается в надписях, повествующих о построении 'agi; сказано: 900 *aqarqi istini* «900 *акарки* (есть) там (в нем)»⁴. Слово «*aqarqi*» встречается во многих урартских надписях, и совершенно ясно, что это — мера жидких тел. В летописи Сардури, например, рядом с 1020 тысячами *капи* зерна упоминается 111 *акарки* вина и 86 *акарки 7 тируси* какого-то масла (G, стк. 10). Кроме того, на многих урартских сосудах (карасах) имеются клинописные обозначения емкости данного сосуда — указано, сколько *акарки* вмещает тот или иной карас⁵. Такие карасы в особенно большом количестве были обнаружены во время раскопок 1949 и 1950 гг. на Кармир-блуре⁶. Естественнее всего предположить, что gie, который построил царь Менуа, был сооружением, предназначенным для хранения какого-то жидкого вещества, скорее всего, конечно, вина. Поэтому выходит, что в надписи речь идет о построении кладовой для вина, вмещавшей 900 *акарки* вина. На основании предварительного обмера карасов, найденных на Кармир-блуре, проф. Б. Б. Пиотровский полагает, что *акарки* равнялась 240—250 литрам, из чего следует, что винный погреб, построенный царем Менуа, был предназначен на 216—225 тысяч литров вина. Как мы видим, перед нами хозяйственное сооружение крупного размера, что подразумевает существование также хозяйства крупного масштаба, которое оно и обслуживало.

Характерно, что в надписи, повествующей о построении «этого gie»,

¹ См. Г. В. Церетели, «Урартские памятники Музея Грузии, 1939, стр. 61, прим. 4.

² Ср. А. Goetze, *Indefinites and negations, prohibitive and imperative in the Urartean language*, RHA, вып. 22, 1936, стр. 185, см. также ниже.

³ Saucе, 11a (JRAS, XIV, 1882; см. также JRAS, 1894, стр. 717); ср. СICh, стб. 103.

⁴ Ср. (столько-то) *капи istini* в выше рассмотренных надписях об 'agi.

⁵ С. F. Lehmann-Haupt, *Materialen*, стр. 111 сл. (№ 45); о н же, *Armenien*, II, стр. 473, 560, 585; также ЗВО, XXIV, 1917, стр. 120, табл. IV, № 8; VBAG, 1901, стр. 288.

⁶ Б. Б. Пиотровский, *Кармир-блур*, I, 1950, стр. 60

также говорится о построении «величественной¹ крепости» (É·GAL šidištuni baduse); кладовая для вина, очевидно, была сооружением, связанным с этой крепостью, и обслуживала находящееся около нее царское хозяйство. Связь построенных царями зернохранилищ и винных погребов с крепостями, с военно-административными центрами урартских царей выступает и в других надписях; так, например, о построении 'agi — зернохранилищ говорят нам царские надписи, найденные на территории крепостей Аргиштихинили и Ирпуни.

Возникает вопрос: кто же работал в этих обширных царских хозяйствах? На завоеванном месте, на холме Арич-берд (близ Еревана), Аргишти строит крепость Ирпуни «для величия страны. Биаинили [и] для подавления вражеской страны». В связи с этим Аргишти отмечает, что он здесь поселил 6600 воинов стран Цупани и Хате (т. е. военнопленных²) и здесь, где «земля была пустынной», «могучие деяния совершил»³. Из надписей Аргишти и его преемника Сардури II мы знаем, что эти цари строили здесь крупные зернохранилища ('agi) и т. д. Поэтом трудно сомневаться в том, что Ирпуни был значительным военно-административным центром и в то же время центром крупного царского хозяйства, которое обрабатывали поселенные здесь рабы-военнопленные.

В этом отношении интересный материал содержит также надпись Русы II из Адильджеваза (на северо-западном побережье Вайского озера). Надпись недавно была опубликована нами по эстампажу, хранящемуся в Музее Грузии⁴. В надписи речь идет о мирной строительной деятельности Русы II в «Городе бога Халда страны Зикуни», который, повидимому, находился где-то вблизи совр. Адильджеваза. В надписи включено упоминание угона из вражеской страны женщин, а также народа (?) стран Мушкини, Хате и Халиту. Как мы полагаем, и в этом случае речь идет о плененном населении упомянутых стран, которое урартский царь использовал в той строительной деятельности, о которой повествует надпись. Фраза, приведенная в 6-й строке, — «к крепости я присоединил», относится очевидно, к этому же плененному населению, из чего следует, что Руса II, повидимому, поселил их здесь же, превратив их в рабов имевшегося здесь царского хозяйства.

На такие государственные земли сажались также, очевидно, целыми семьями переселенцы из завоеванных стран. Урартские цари не раз говорят об уgone всего населения того или иного завоеванного пункта и о переселении его в свою страну. В летописи Аргишти I при описании похода на страну Архи отмечается угон отсюда населения шестидесяти городов (III, 34—35). Повидимому, о таком же факте идет речь, когда Аргишти говорит, что, завоевав страну Диаухи, он из «трех стран» (т. е. областей — Када, Ашкалаши и города Шашилу) отторгнул население и прибавил его к своей стране (CICH, 112, B 1, стк. 8—13). В надписи, оставленной у Адиамана (на юго-западном побережье Севанского озера), Сардури II отмечает, что, завоевав здесь город Тулихуни, он увел его царя Циналиби вместе с его народом (НКНЗ, 16). Завоевав одну из областей

¹ Значение «величественный», «великолепный» для baduse кажется нам наиболее подходящим во всех случаях, где это слово встречается. Ср. И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, II, 1935, стр. 119, прим. 19.

² LUMES³ gunušini. При указании числа захваченных царем пленных (отроков, женщин, мужчин) в текстах вариантом слова 'aše («взрослый» мужчина) употребляется LÜ gunušini «воин» (см. Летопись Сардури II, А, 10, 20, 24, 27).

³ См. надпись, найденную в 1950 г. на Арич-берде, а также в летописи Аргишти I, стб. II, стк. 32 сл. (CICH, 112, A2, стк. 14 сл.).

⁴ Г. А. Мелликишили, Клинообразная надпись урартского царя Русы II из Адильджеваза, «Сообщения АН Груз. ССР», т. XI, № 10 (1950).

страны Кулха (в юго-западной Грузии) — Хушани, тот же Сардури уводит отсюда его правителя Хахани вместе с его народом и поселяет их в своей стране («Летопись», С, 1—5) и т. д.

Вообще главным источником добывания рабов в Урартском государстве, конечно, была война. Одной из целей военных экспедиций урартских царей был захват рабов-военнопленных; когда речь идет о завоевании той или иной области или населенного пункта, почти всегда отмечается, что царь угнал отсюда в страну Бианили (т. е. в центральную часть царства) мужчин и женщин¹; обыкновенно указывается также число захваченного в плен населения, при этом часто перед нами довольно внушительные цифры; это указывает на то, что число рабов в Урартском государстве, очевидно, было сравнительно велико. Можно отметить, например, что в летописи Аргишти I², в которой отражена лишь часть его царствования, в сохранившейся части памятника упоминается захват в плен в общей сложности 280 512 человек (мужчин, женщин, отроков). В летописи Сардури II, также отражающей лишь часть его царствования, говорится о захвате в завоеванных областях в общей сложности 175 331 пленников, а в другой надписи того же царя (CICH, 129 C) еще 22 190 пленников. Правда, в эти цифры входят также пленные, казненные урартийцами на месте, но эти последние составляли, вероятно, лишь незначительную часть общего числа пленных.

Итак, в результате непрекращавшихся войн в руки урартских царей попадали тысячами и десятками тысяч пленные, которых они, часто с семьями, уводили в свою страну. Значительную часть этих пленных царь, очевидно, сажал именно на государственные земли, используя их здесь в качестве рабов. Конечно, рабским трудом широко пользовались также и на других работах (ирригация, строительство и т. д.). Огромное большинство пленных, несомненно, доставалось царю, лишь в некоторых случаях отмечается в текстах, что часть пленных царь пожаловал своим воинам (об этом см. ниже).

О других источниках рабства в Урарту мы ничего не знаем.

Таким образом, оказывается, что на территории Урарту в большом количестве имелись царские хозяйства, в которых использовался труд рабов-военнопленных. Как правило, такие хозяйства имелись при каждом военно-административном центре урартских царей. Раскопки, ведущиеся близ Еревана, на Кармир-блуре, под руководством проф. Б. Б. Пиотровского, вскрыли, повидимому, именно один такой военно-административный центр. На холме помещалась крепость — дворец урартского наместника, вокруг же него был «город», занимавший площадь приблизительно в 40 гектаров³. Повидимому, весь этот комплекс и назывался городом Тейшебаини, который упоминается в одной найденной здесь надписи⁴. Тейшебаини был одним из крупнейших административных центров урартийцев на территории Южного Закавказья. В Звартноцкой надписи Русы II, которая повествует о деяниях этого урартского царя в районе Кармир-блур, говорится о прокладке канала, о насаждении виноградника и о намерении царя устроить здесь сады, посевы и «город». Следует отметить, что в надписи не упоминается название города Тейшебаини; повидимому, в это время город еще не существовал, и надпись рассказывает лишь о начале работ по сооружению Тейшебаини.

В крепости города Тейшебаини имелись склады оружия (É urishusini

¹ NN alie 'aše SAL lutu (вар.: LÚ uediani) (istinini) parubi KUR³biaina(i)di.

² Sa y ce, 37—44; дубликат летописи — CICH, 112.

³ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, 1950, стр. 13.

⁴ Б. Б. Пиотровский, «Город Тейшебаини» в урартской клинообразной надписи, ЭВ, II (1948), стр. 83—85

«оружейный дом») (ЭВ, II, стр. 85), но здесь же, как известно, в большом количестве имелись также хозяйственные помещения (огромные склады и т. д.).

Параллельно с раскопками крепости с 1948 г. ведутся раскопки находящегося у крепости «города» урартской эпохи. Как отмечает проф. Б. Б. Пиотровский, «раскопки города отчетливо выявили и тот факт, что его жители не имели собственного хозяйства и жили на государственном довольствии. В городе не заметны сколько-нибудь ощутительные следы собственного хозяйства семей, отсутствуют помещения для скота, места склада сельскохозяйственных продуктов»¹. По мнению проф. Б. Б. Пиотровского, здесь «жили люди, связанные с этим крупным урартским административным центром» — чиновники, воины, ремесленники, «а также земледельцы, работавшие на землях, принадлежавших урартскому государству. Понятно, что жители этих категорий... были на государственном довольствии и не имели собственного хозяйства»². В самом деле, в «городе», расположенном вокруг Кармир-блурской крепости, в первую очередь, нужно думать, жили те, которые работали в созданном здесь Русой II крупном царском хозяйстве, — тот факт, что жители этого «города» не имели собственного хозяйства и жили на государственном довольствии, показывает, что здесь мы имеем дело с настоящими рабами.

В источниках есть указания на то, что эти царские хозяйства часто устраивались на пустующих, необработанных землях. В отношении Улху, где Руса I проводит каналы, устраивает сады, виноградники, поля с посевами и т. д., Саргон отмечает, что урартский царь здесь занимался преобразованием необработанных полей³. Вообще, говоря об устройстве садов, виноградников, посевов, урартские цари часто отмечают, что все это они совершили на пустующих, не обрабатываемых до того землях. Об этом идет речь, например, при создании в Южном Закавказье, у крепостей Ирпуни, Аргиштихинили и Тейшебаини, обширных хозяйств или же при проведении такой же работы близ совр. Эрджиса: говорится, что «земля была пустынной; ничего не было там построено» (qurani quldini manu ui gi(ei) istini šidauri)⁴, «земля была необитаемой; никто там не находился» (qurani širabae manu ui ainei istini aiuri)⁵, «земля была пустынной» (qurani quldini manu)⁶, «земля была необработанной; ничего там не было» (qurani šulie manu ui giei istini manuri)⁷, «земля была пустынной; ничего не было там раньше (?), (ни) посева, (ни) виноградника, (ни) сада; (и) канал (тоже) не был там проведен» (KI^{MES} quldini manu ui giei absiei GAN^{GIS} ŠAM ŠE^{GIS} GEŠTIN zari istini manuri ui PA₅ istini agauri)⁸ и т. д.⁹. Можно думать, что не случайно устраивались эти царские

¹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, 1950, стр. 18.

² Там же, стр. 20.

³ JT, 207—209 (В. Meissner, Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug, ZA, 34, вып. 3—4 (1922), стр. 114; ARAB, II, 160).

⁴ Летопись Аргишти I, стб. II, стк. 34—35; CICH, 112, A2, стк. 18—19; НКНЗ, 9, стк. 6—7.

⁵ НКНЗ, 24, стк. 4—5.

⁶ Найденная в 1950 г. на холме Арин-берд надпись Аргишти I, стк. 7—8.

⁷ Звартноцская надпись, стк. 7—8.

⁸ CICH, 149, лиц. стор., стк. 38—41.

⁹ До сих пор, по нашему мнению, вышеприведенная формула qurani (KI) quldini (širabae, šulie) manu ui giei istini šidauri (manuri) была неправильно понята. Правильному пониманию этой формулы во многом способствовало установление того факта, что и является отрицательной частью, а ainei и giei — неопределенными местоимениями (А. Goetze в RHA, вып. 22, 1936, стр. 179 сл.; 24, стр. 266 сл.). Однако предлагаемый Гётце перевод для некоторых слов этой формулы является, по нашему мнению, неудачным. Так, например, слову šidauri Гётце придает значение «был виден», а слову agauri — «был находим (находился)», в то время как трудно сомневаться, что эти слов-

хозяйства на пустующих, необрабатываемых землях: царская власть, очевидно, избегала столкновения с сельскими общинами, не хотела отнимать у них земли и на них устраивать государственные хозяйства.

Так же, как во многих других древневосточных странах, в Урарту для сельского хозяйства имело огромное значение устройство развитой ирригационной сети. Во многих областях Урартского государства искусственное орошение полей имело исключительное значение¹, было основой сельского хозяйства. Это обстоятельство, как известно, во многом способствует прочности и сохранению сельской общины. Касаясь своеобразия условий развития стран Востока и значения искусственного орошения для сельского хозяйства, Энгельс отмечает, что искусственное орошение здесь «является уже делом общины, области или центральной власти»². В Урарту, так же как и во многих других древневосточных государствах, эту основу хозяйственной жизни страны — ирригацию — государство берет в свои руки. Урартские и ассирийские надписи, а также дошедшие до наших дней (и частично используемые даже сейчас) остатки ирригационных сооружений урартских царей свидетельствуют о самой широкой ирригационной деятельности правителей Урарту (проведение каналов, создание искусственных озер и т. д.) как в центре, так и на периферии государства.

Ирригационные сооружения, устраиваемые в огромном масштабе урартскими царями, конечно, предназначались не только для одних царских хозяйств, но вместе с тем и для обслуживания населения тех районов, на территории которых создавались эти ирригационные сооружения. В урартских надписях мы не раз встречаем упоминание о том, что для той или иной «страны» (области) или «города» царь канал провел; так, например, в надписи из Ада (близ Малазгирта) Менуа отмечает, что он провел канал «к долине, принадлежащей Менуа» (*Imenuainie ħubi*), и, кроме того, к городу *Uliš[]ini* и еще к одному городу, название которого в надписи повреждено (CICH, 49). В надписи из Хотанлу (юго-западнее Малазгирта) упоминается проведение тем же царем Менуа канала города Менизаиани (CICH, 50), Аргишти I же говорит о проведении канала

произведены от хорошо известных урартских глагольных основ *šidu*—«строить», «воздвигать» (крепость, город) (см. Летопись Аргишти I, III₂₄—IV₇₂; CICH, 112, B₂₄₁, 145₁₆) и *agu*—«проводить» (канал); поэтому, *šidauri* должно быть переведено: «был построен», а *agauri*—«был проведен». Неудачным является также предположение Гётце, что *giei* означает «когда-нибудь», «всегда». Вышеприведенная формула *qirani (KI) quldini (širabae, šulie) manu ui giei ištini šidauri (manuri)*, которую Гётце рассматривает как одно простое предложение (RHA, 24, стр. 266—269), несомненно, не является таковым. Здесь перед нами два предложения, первое из которых оканчивается словом *manu*, а второе начинается с *ui*; встречаются случаи, когда в тексте имеется лишь выражение *qirani quldini manu* (см. найденную в 1950 г. на холме Ариш-берд надпись Аргишти I, стк. 7—8), или имеется лишь *ui giei (ištini) šida(g)uri* (см. в надписях CICH, 10, стк. 1, 2; 18, стк. 28, 88, 69, стк. 2). Таким образом, ясно, что в приведенном выше комплексе мы имеем не одно, как это думает Гётце, а два разных предложения. В таком случае значение «когда-нибудь», «всегда» уже не может подойти к *giei*, если при этом правильно понять слова *šida(g)uri* и *agauri* (см. выше). Предлагаемый Гётце перевод слова *giei* не подходит и в других случаях, где это слово встречается, в частности, в формуле проклятья Хорхорской летописи Аргишти I (стб. VIII; ср. RHA, 22, стр. 181). Во всех случаях для *giei*, как мы полагаем, лучше подходит значение «что-нибудь» (см., например, в вышеприведенных наших переводах). Значение «когда-нибудь», «всегда», по нашему мнению, имеет слово *aišei* (которому Гётце придает значение «что-нибудь» — см. RHA, 22, стр. 179—185), находящееся, несомненно, в связи с *aše* «когда» и снабженное характерным для неопределенных местоимений окончанием *ei* (ср. *ainiei, giei, aiei*)¹.

¹ Б. Б. Piotrovskij, История и культура Урарту, 1944, стр. 193 сл.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 494.

для страны Азаини¹, которая в другой надписи того же царя (НКНЗ, 10—11) упоминается как «вражеская страна». В связи с этим нужно обратить внимание также на то, что некоторые надписи, в которых речь идет о проведении каналов, повидимому, были не только памятниками, составленными для прославления деяний царя, а имели, возможно, силу некоего официального юридического акта, устанавливая право пользования населением той или иной местности проведенным царем каналом: так, например, в Кешиш-гельской надписи Руса I, говоря о создании им искусственного озера и о проведении из него канала до Русахинили (один из кварталов столицы Тушпы), дает ряд постановлений для граждан Русахинили, которые, очевидно, должны были пользоваться этим каналом и землями, лежащими у Русахинили². Здесь же Руса говорит: «Да будет это (искусственное) озеро для орошения (?) Русахинили» (стк. 21—23: *inani šue Ṛusaḫinaue ḫurišḫi manini*). Преемник этого царя, Аргишти II, в оставленной близ Эрджиша (севернее Ванского озера) надписи (CICH, 149) рассказывает также об устройстве им здесь искусственного озера и о проведении канала. Здесь же упоминаются «города», в отношении которых сказано: «Да будет этот канал оросителем (?) этим городам» (оборот. стор. 7—8: *inḫinaue URUMEŠ ini PA₅ ḫurišḫi manini*), а также: «Вода, вытекающая (?) из озера, да будет для орошения (?) этой долины» (оборот. стор. 13—15: *A MEŠ-šuinini šedue ikukaḫini ḫubinie ḫurišḫi manini*). Очевидно, и в этом древневосточном государстве царь — «связующее единство», возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, выступает как высший *собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные владельцы*³.

В Урарту, так же как и в других древневосточных государствах, объектом эксплуатации были не только рабы, но и свободные общинники. Они подвергались эксплуатации, в первую очередь, со стороны государства: налоги, обязательство выходить на государственные работы (строительство, ирригация, возможно, также работа на определенный срок в царском хозяйстве), вероятно, также воинская повинность и т. д. тяжелым бременем лежали на рядовых общинниках. Возможно, они несли также определенные повинности по отношению к храмам. За неимением источников мы лишены возможности представить себе конкретные формы эксплуатации рядовых общинников царской властью и урартской знатью, но некоторые обстоятельства заставляют нас предположить, что в позднюю эпоху, во всяком случае, ярмо этой эксплуатации было здесь таким же тяжелым, как, например, в соседней Ассирии.

В новоассирийскую эпоху государственные повинности несли широкие слои населения Ассирийской державы — объединенные в сельские общины свободные крестьяне, а также рабы, посаженные на землю⁴. Ярмо этих государственных повинностей, повидимому, было тяжелым — засвидетельствованы случаи, когда ассирийцы не могут примириться с несением этих повинностей и предпочитают убежать из своей страны. О таких беглецах речь идет во многих ассирийских документах. Убегали главным образом в расположенную севернее Ассирии, на границе с Урарту, горную страну Шуприю. Это явление, повидимому, приняло такие угрожающие

¹ Летопись, IV (Саусе, 40), стк. 73; см. Г. А. Меликишивили, Урартоведческие заметки, ВДИ, 1951, № 3, стр. 175.

² K1 [ТТМ I] *rusaḫinakai* — CICH, 145, стк. 11 сл.

³ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, 1940, стр. 6.

⁴ И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, Л., 1949, стр. 116, 138.

размеры, что царю Асархаддону (681—668) пришлось предпринять специальный поход в Шуприю для возвращения и наказания беглых ассирийцев¹. Асархаддон отмечает, что всем, кто оставил своих хозяев и убежал в Шуприю, он отрезал пальцы, нос, уши, выколол глаза и т. д. (ARAB, II, 593—606). Для нас представляет большой интерес тот факт, что во время этого похода Асархаддону в Шуприи попались в руки также беглые урартийцы. Повидимому, находящаяся на границе Ассирии и Урарту Шуприя была убежищем не только для беглых ассирийцев, но также и для беглых урартийцев. Бегство из Урарту, по всей вероятности, приняло в это время такие же угрожающие размеры, как и бегство из Ассирии: Асархаддон отмечает, что урартский царь Руса (II) посылал письма правителю Шуприи об этих беглых, требуя, очевидно, их выдачи, но не мог добиться этого. Завоевав Шуприю, Асархаддон, как он говорит, навел справки насчет этого народа (т. е. беглых урартийцев), разузнал и ни одного беглого урартийца не удержал, никто не смог ускользнуть, и всех возвратил он в их страну (ARAB, II, 607). Естественно всего допустить, что урартийцы бежали сюда по тем же причинам, по каким и ассирийцы, — сам Асархаддон, во всяком случае, не видит (не отмечает) никакого различия между находящимися здесь беглыми ассирийцами и беглыми урартийцами. Очевидно, и из Урарту бежали сюда те, которые больше не были в состоянии нести тяжелое ярмо эксплуатации. Такое бегство, как известно, являлось одной из форм классовой борьбы. Эти факты, а также многие другие явления, ясно свидетельствуют о близости, во всяком случае, в позднюю эпоху, государственного и общественного строя Ассирии и Урарту.

В ассирийских и урартских источниках мы находим некоторый материал также и по вопросу о существовании в Урартском государстве храмовых хозяйств.

Каждое божество урартского пантеона имело свой центр культа², в котором находился главный храм божества. Ассирийские источники много говорят о находившемся в Мусасире храме Халда, в котором стояла статуя этого бога и где совершалась церемония коронации урартских царей³. Кроме главного центра того или иного божества, в стране существовало много второстепенных культовых центров, где имелись посвященные тому или иному божеству культовые объекты. В частности, на каждом шагу встречались здесь культовые сооружения, посвященные богу Халду. Один такой храм Халда упоминается ассирийским царем Саргоном II (ЛТ, 279) в области Армарили. Согласно же урартским источникам, многие такие сооружения строились урартскими царями как в центре, так и на периферии, на завоеванных территориях. Урартские цари, например, строят богу Халду É («дом»), É·BAR («храм»), iaranî («часовня» (?)), susi (?), šistîli («ворота») и т. д. Основным видом культовых сооружений, несомненно, было то, что называлось «воротами» (šistîli) того или иного бога. Предполагают, что «под воротами бога урартские тексты разумеют ниши в скалах»⁴, но с этим трудно согласиться. В над-

¹ И. М. Дьяконов, ук. соч.; стр. 115.

² О центрах культов верховных божеств урартийцев (Халда, Тейшебы и Шивини — бога солнца) см. Г. А. Меликишвили, Центры культов верховных божеств урартийцев, «Сообщения АН Груз. ССР», VII, № 6 (1946).

³ E. F. Weidner, Neue Bruchstücke des Berichtes über Sargons achten Feldzug, AfO, XII, вып. 3 (1938), стр. 144 сл.

⁴ Фонетическое чтение šistîli для идеограммы KÁ-li («ворота») вытекает из одной надписи царя Менуа (Г. В. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии, надпись № 23) — см. J. Friedrich, Urartäische Inschriften im Museum von Tiflis, AfO, XIII, вып. 4/5 (1940), стр. 237 сл.

⁵ Б. Б. Пиотровский и, История и культура Урарту, 1944, стр. 275.

писях говорится о построении «ворот», так же как, например, «крепости» (E·GAL), употребляя в обоих случаях глагол šidištu «строить»¹, чего нельзя было бы ожидать если бы «ворота» представляли собой высеченные в скале ниши. Также характерно, что построенные царями «ворота бога» часто называются в надписях «величественными» (baduse)². С этим эпитетом обыкновенно упоминаются в надписях «крепости» — E·GAL), что также не особенно подходит к нишам. Можно отметить также, что некоторые надписи, в которых речь идет о «построении» (šidištu-) «этих ворот бога Халда», высечены не на скалах, а на строительных камнях; наконец, в качестве варианта «ворот бога Халда» в надписях встречается «дом (E) бога Халда»³. Конечно, не исключено, что высеченные в скалах ниши имели какое-нибудь отношение к тому комплексу, который назывался «воротами бога», но очевидно, что под этим названием вообще подразумевался основной вид культового сооружения — храм; существование храмов в Урарту засвидетельствовано и ассирийскими источниками.

Согласно урартским источникам, можно утверждать, что такие храмы («ворота» — šitili) или другие, имеющие меньшее значение, культовые сооружения (susi, iarani) в Урартском царстве имелись в большом количестве. Они имелись, повидимому, и при каждом военно-административном центре — урартские цари часто вместе с крепостью (E·GAL) строят «ворота бога Халда», «дом для бога Халда» или же другие культовые сооружения⁴.

Насколько можно судить по громадной добыче, захваченной ассирийцами в храме Халда в Мусасире, следует думать, что урартские храмы, во всяком случае некоторые из них, обладали большим богатством. В Мусасирском храме ассирийцы захватили много золота, 4918 кг серебра, 109 080 кг меди. Среди множества драгоценных вещей, захваченных здесь, можно назвать, например, 6 золотых щитов, вес которых равнялся 157½ кг, и 12 серебряных щитов, 33 серебряные колесницы и много других вещей из золота, серебра и слоновой кости, а также из бронзы — в надписях Саргона перечень захваченной здесь добычи занимает большое место (ЛТ, стк. 367 сл.).

Значительную часть богатства, которым владели урартские храмы, они, несомненно, получали в виде царских пожертвований. В урартских текстах мы не раз встречаем упоминание о таких жертвованиях. Мусасирскому храму бога Халда царь Ишпуини и его сын Менуа, например, преподносят, согласно Келяшинской двужычной надписи (CICH, 12), много оружия, медные сосуды и т. д. Здесь же упоминается посвящение богу 1112 голов крупного рогатого скота и 21600 голов мелкого рогатого скота, всего 22 712 голов разного скота — ясно, что такое большое количество скота, посвященное храму во время одного только посещения Мусасира урартским царем, не было предназначено для культового жертвоприношения, а передавалось в хозяйство храма, который вообще, очевидно, владел крупными стадами разного скота⁵.

¹ CICH, 17, 22, 56, 66, 67, 68, 68A; Г. В. Церетели, ук. соч., 23; Нор-Баязетская надпись.

² CICH, 67, 68, 68A; НКНЗ, 12.

³ Так, например, в одной надписи из Гюзак Менуа сообщает о построении им здесь крепости (E·GAL), называемой «Город Халда», и «ворот бога Халда» (CICH, 56), а в другой надписи из того же места Менуа говорит уже о построении крепости E·GAL под названием «Город Халда» и «дома (E) для бога Халда» (CICH, 70).

⁴ CICH, 56, 70, 62, 63, 64/65, 66; НКНЗ, 12; Нор-Баязетская надпись.

⁵ В надписи как будто даже различается в этом посвященном богу (храму) скоте «вободный» (стк. 15/13: eguruhe = асс. pašru) скот (niribi = асс. bibu) от скота, предназначенного для жертвоприношения (стк. 16/14: atqanani = асс. eqüte; ср. стк. 28/26 — см. РА, XXX, стр. 30, 35), при этом призываются боги уничтожить того, кто уведет (по-

В урартских царских надписях часто упоминается установление количества жертвенных животных тому или иному божеству. Такое обязательство цари часто брали на себя в связи с основанием какого-нибудь нового культового места. В надписи Мхер-капуси (близ Вана) (C1Ch, 18), например, говорится, что Ишпуини и Менуа построили богу Халду «эти ворота» (т. е. храм) и установили (порядок) жертвоприношения, — несомненно, этому вновь основанному храму от царского дома. При этом видно, что речь идет о периодических, очевидно, ежемесячных, жертвоприношениях (teruni ardiše ^DUTU ITU ašuse manuše). Дальше следует перечень жертвенных животных, посвящаемых тому или иному божеству — в общей сложности цари обязуются преподнести храму в виде ежемесячных (?) приношений 6 коров, 6 козлят, 96 быков, 305 овец. Такие периодические приношения получали от царей, наверно, и другие храмы Урарту. Часть огромной добычи (в которой главное место занимал именно скот), захваченной во время военных экспедиций урартскими царями, шла, таким образом, в пользу храмов. Известно, что урартские цари десятками, а иногда даже сотнями тысяч называют количество захваченного ими крупного и мелкого скота.

Но, кроме многочисленных стад, урартские храмы владели, повидимому, также земледельческим хозяйством. В надписи Мхер-капуси, где говорится о построении храма («ворот») богу Халду и об установлении периодических жертвоприношений скотом в этом храме, говорится также, что урартские цари повелели устроить виноградники и сады для бога Халда¹. Мы уже говорили выше о надписи Русы II, найденной в Адильджевазе². Здесь же найден фрагмент еще одной надписи в восемь строк³. На основании палеографических особенностей, а также близости фразеологии этой надписи к фразеологии вышеуказанной надписи Русы II, мы приходим к выводу, что и эта надпись должна принадлежать тому же царю и в ней тоже речь идет о мирной, строительной деятельности в этой местности. Здесь обращает на себя внимание упоминаемое в 4-й строке надписи ^Dhaldinani GIS[...]. Детерминативом GIS («дереву») в урартских текстах часто определяются именно такие слова, как «виноградник» или «сад» и т. п. Можно думать, что здесь упоминались «виноградники (или же сады) бога Халда». По всей вероятности, как здесь, так и в вышеотмеченном месте надписи Мхер-капуси речь идет об устройстве урартскими царями Халду (т. е. храмам Халда) садов, виноградников и т. п. Наряду со скотом, урартские храмы, очевидно, владели также земледельческими поместьями.

О том, кто же обрабатывал эти храмовые земли или какие повинности несли те или иные слои населения в пользу храмов, мы не в состоянии сказать что-нибудь определенное.

Наряду с царскими, храмовыми и общинными хозяйствами в Урарту, повидимому, существовали крупные частные хозяйства представителей урартской знати.

Ассирийские источники различают два основных слоя урартской и манейской знати: людей, принадлежащих к царскому роду, с одной стороны, и военную и служилую знать, — с другой. Представители царского

хитит) (жертвенный) скот (стк. 25 сл.:22 сл.), в то же время специально оговаривается возможность увода «свободного скота» (niribi eguruḫu=acc. kī pašri), если (храму) дают (взамен) «вещи» (стк. 23—25/20—22).—ср. E. Ebeling, AfO, VI, 225 сл.

¹ C1Ch, 18, стк. 27—28 (ср. стк. 85—87). ^Išpuinišc ^ID sarduriḫiniše ^Imenuaše ^Išpuiniḫiniše GIS uldie šuḫe teruni ^Dhaldie kue GISzari šuḫe teruni.

² Г. А. Меликишвили, Клинообразная надпись урартского царя Русы II из Адильджеваза, «Сообщения АН Груз. ССР», XI, № 10 (1950).

³ Опубликована нами в «Сообщениях АН Груз. ССР», XII, № 2, (1951).

рода, по всей вероятности, составляли высший слой урартской и манейской знати. Саргон II в свите манейского царя Уллусуну упоминает «вельмож» (*amēṣrabāni*), «старейшин» (*šibi*), «советников» (*mālikī*), которые были членами царского рода (*zêr bit abi-šu*), и отдельно от них упоминает находящихся в этой же свите разных должностных лиц, правителей областей страны, которые не принадлежали к царскому роду (*šakkanakkê, rêdê* и т. д. — ЛТ, стк. 31 сл.). Также и в окружении урартского царя Русы I Саргон II особо выделяет от остальной части урартской знати представителей царского рода: Саргон отмечает, что он захватил в плен вельмож и советников урартского царя (*ašaridûti meš-šu ma-li-ki man-za-az ra-ni-šu* — ЛТ, стк. 137) и отдельно от них отмечает захват в плен 260 представителей царского рода — родственников царя (*zêr šarru-ti-šu*) — военачальников, правителей областей, которые были всадниками в войске урартского царя (ЛТ, стк. 138; ARAB, II, 154). В другой надписи Саргон, говоря о том же событии, отмечает, что он захватил 260 представителей царского рода в кавалерии урартского войска (Летопись, стк. 108; ARAB, II; 20). О захвате в плен 250 членов царского рода Русы Саргон говорит также в другой своей надписи¹.

Как видно из этих данных, в Урартском и Манейском царствах представители царского рода часто занимали высокие государственные должности (военачальники, правители областей, советники и т. д.). Представители царского рода, несомненно, владели находящимися в полной их собственности поместьями. В одной урартской надписи эпохи царя Менуа, найденной у Катепанджа, близ русла канала Шамирам-су, сказано, что «этот виноградник» принадлежит дочери² Менуа Таририе (CICH, 57). В этом отношении интересно также то, что в одной из центральных областей Урарту, в Армарили, Саргон во время своего похода встречает город Арбу — «город отцовского дома (рода)» Русы и город Рнар — город Сардури, а также находящиеся вокруг них семь «городов», в которых жили братья царя Русы (ЛТ, 277—278). Таким образом, оказывается, что братья урартского царя имели каждый свой «город» — резиденцию; сосредоточение этих «городов» в одном месте говорит о том, что братья урартского царя здесь находились не в качестве царских наместников — «правителей областей»; скорее здесь речь идет об их личной собственности — каждый из них, очевидно, владел целым «городом» и находящимся вокруг него хозяйством.

Конечно, еще более многочисленным был в Урарту и Мана слой военной и служилой знати. Выше мы уже отметили, что Саргон говорит о разных должностных лицах манейского царя Уллусуну, правителях областей и т. п., не принадлежащих к царскому роду (*šakkanakkê, rêdê* и т. д. — ЛТ, 31 сл.). И в другом месте Саргон упоминает манейских вельмож (*amēṣrabāni*), должностных лиц — правителей, царских наместников манейской страны (*amēṣaknu* — ЛТ, 58). У Саргона упоминаются также не принадлежащие к царскому роду вельможи и советники урартского царя (ЛТ, стк. 137); он также говорит об урартских царских наместниках — «правителях областей» (ЛТ, 303). Не раз упоминаются правители урартских областей и урартские военачальники, в частности, туртан (главный полководец), также в письмах, адресованных ассирийскому царскому двору от его информаторов по урартским делам (WRCAE, 194,

¹ «Резюме» — надпись, стк. 42—43; ARAB, II, 56.

² Урартское *SALsila-* скорее можно понимать как «дочь», а не «супруга», ввиду его сходства с хурритским *šala-* («дочь»), ср. CICH, стб. 93; J. Friedrich, *Seine Beiträge zur Churritischen Grammatik*, 1939, стр. 60.

444). В урартских надписях много раз упоминаются «правители областей», часто говорится о назначении таких правителей на завоеванные территории, иногда же упоминается оставление в той или иной завоеванной области «правителя» какой-то другой категории (Lûir-di: Сардури II, Летопись, D, 26—30).

В государстве эта военная и служилая знать обладала, по всей вероятности, очень большим удельным весом. Особую силу придавало ей господство в урартском войске. Урартский царь имел свое собственное постоянное царское войско (Саргон, очевидно, его имеет в виду, говоря о kišir šarrûti — «царском войске», для которого специально выращивали коней в областях Суби и Сангибуту — ЛТ, стк. 171, 191), но преобладающую часть урартского войска составляли отряды, выставляемые «правителями областей», царскими заместителями. Очевидно поэтому в надписях отмечается, что перед началом каждой крупной военной экспедиции царь собирал воинов (войска) (Lûhuradinili, LûA-SIMEŠ uelidubi), а в ассирийских надписях упоминаются урартские «правители областей» вместе с их войсками¹. Ценный материал содержат по этому вопросу также урартские надписи: так, например, Сардури II отмечает, что, направившись на страну Витерухи, он с призванными (на войну) тремя «правителями областей» совершил поход в три места². Тот же Сардури в другом месте говорит, что он отпустил воинов, никто из правителей областей не был призван, и с одним лишь отрядом направился он на страну Великуни³.

Таким образом, оказывается, что «правитель области» в Урарту был крупной величиной и в урартском войске, которое в основном составлялось из контингентов, выставляемых этими «правителями областей», по всей вероятности, под их же командованием.

Эта урартская военная и служилая знать обладала, по видимому, находящимися в их личном владении поместьями. В урартских надписях мы, во всяком случае, встречаем упоминание о садах, принадлежащих частным лицам. В одной надписи Аргишти II, сына Русы, найденной в Ване, сказано: «Аргишти, сын Русы, выпустил стрелу с этого места, перед лесом Гилурани, до сада Ишпилини, сына Бату, (на расстояние) 950 локтей⁴.

¹ ЛТ, стк. 301: amêl bêt pahâti mes-šu adi kišrišunu; WRCAE, 197: amêl bêt pahâti mes-šu adi amêl emûqišunu.

² Летопись, D, стк. 19—21: III Lû EN · NAM MEŠ šukuri manuli III-a esa uš-tipte zadubi «3 правителя областей были призваны; в три места я поход совершил». О формах на -urî (окончание 3 л. ед. ч. среднего или страдательного залога) см. J. F r i e d r i c h, Einführung ins Urartäische, стр. 8; A. G o e t z e, RHA, 24, стр. 266—269.

³ Летопись, F, стк. 15—17: ID sarduriše alie Lû A-SI MEŠ-ni kuli uie ainiei Lû EN-NAM MEŠ šukuri manuri uštadi Lû ueli šusitne KUR uelikunigidi «Сардури говорит: воинов я отпустил; ни один (из) правителей областей не был призван (и с) одним лишь отрядом направился я на страну Великуни»; kuli — форма 1 л. ед. ч. прош. времени, по всей вероятности, от основы kulu- («оставлять», «покидать», «отпускать», «забрасывать»), которую мы имеем также в kulie, kul(u)diani, kuli(eti)ni — см. CICH, 12, урартский текст, стк. 36, 41; 13 обор. стор., стк. 31; надпись, опубликованная М. В. Никольским в ИАК, вып. 37 (1910), стк. 4, 15; Звартноцская надпись, стк. 47; о значении uie и ainiei см. RHA, 22, стр. 179—188, о грамматической форме слов šukuri manuri — RHA, 24, стр. 266—269.

⁴ Так нам кажется возможным переводить: I argištiše I rusaḫiniše GIŠ GAG TI makuluni inukani esinini I ḡiluranie ḡIŠ TIR-nikai pari I išpiliḡi I batuḫiniḡi GIŠ NU-SAR-nidi IX ME L 1 KÛŠ. До сих пор в специальной литературе эта надпись, как нам кажется, переводилась неправильно: см. ZE, 36 (1904), стр. 489—490; ZDMG, 58

Таким образом, здесь упоминается сад некоего Ишпилини, сына Бату, наряду с которым упоминается также лес Гилурани; перед этим последним именем также стоит детерминатив лица мужского пола, но так как отсутствует отчество, можно думать, что перед нами название какой-нибудь племенной единицы (рода или племени — в качестве детерминатива такой категории имен в урартской письменности также употребляется детерминатив лица мужского пола¹).

Хозяйства, находящиеся во владении знати, по всей вероятности, обрабатывались в основном рабским трудом. Рабами в Урарту владели не только цари, но также и частные лица. Часть захваченной на войне добычи и пленных шла также «воинам». При перечислении захваченной добычи урартские цари не раз отмечают, что все это пришло (досталось) царю, что же забрали воины, забрали они отдельно². В аналогичной фразе в одной надписи Ишпуини и Менуа, при описании похода в приурмийский район вместо «воинов» теми, кому досталась часть добычи, названы «страны»³ — повидимому, подразумеваются те «страны», войска которых, наряду с войском Биаинили (центральной области Урарту), принимали участие в этом походе. Кроме того, не раз отмечается в урартских надписях, что часть захваченных пленных царь пожаловал воинам⁴.

Таким образом, часть захваченной на войне добычи и пленных шла «воинам», но, конечно, они получали не равные доли — преобладающая часть отпущенной «воинам» добычи и пленных попадала, несомненно, в руки знати, которая занимала командные посты в войске и входила в состав привилегированных частей войска (колесничие, кавалерия). Этот факт ясно виден из надписей Саргона: при описании разгрома урартских войск Саргон отмечает, что он умертвил воинов противника, тех, кто носил лук и копьё, а вельмож и советников урартского царя захватил в плен вместе с их конями, захватил также 260 представителей царского рода — военачальников, правителей областей, которые были всадниками в войске урартского царя (ЛТ, 136—138; ARAB, II, 154). В другой надписи Саргон, говоря о том же, отмечает, что он захватил 260 представителей царского рода из кавалерии урартского войска (Летопись, стк. 108; ARAB, II, 20). Таким образом, Саргон различает в урартском войске воинов, вооруженных луками и копьями, очевидно, легковооруженную и тяжеловооруженную пехоту, состоящую из простонародья, и представителей знати и царского рода, в отношении которых особо подчеркивается, что они составляли кавалерию урартского войска.

Грабительские войны, которые постоянно вели урартские цари, еще более способствовали укреплению экономической и политической мощи

(1904), стр. 815 сл.; S a u s e, 87 в JRAS, 1906; RA, XXXIII, 1936, стр. 125. Для идеограммы $\text{G}^{\text{IS}}\text{GAG TI}$ (может быть, $\text{G}^{\text{IS}}\text{GAG-ti}^?$) наиболее вероятным кажется нам значение «стрела» (такое значение лучше всего подходит к Летописи Сардури II, G, стк. 9).

И в ассиро-вавилонской клинописи идеограмма $\text{G}^{\text{IS}}\text{GAG}$ встречается для обозначения «стрелы», ср. A. D e i m e l, Vollständige Ideogramm-Sammlung, стк. 462.

¹ См. ВДИ, 1947, № 4, стр. 26, прим. 2.

² Сардури II, Летопись, A₁₁₋₁₂; C₄₅₋₄₆; CICH, 129, C₂₈₋₃₀.

³ CICH, 15, лиц. стор., стк. 25—28; обор. стор., стк. 31—35: inani partu Išpuiniše

I Dsardurehiniše I menuaše Išpuinihiniše mei ali KUR·KUR^{MES(?)}-aše iridutu iu E·GAL^{MES} ašulani... В CICH дается ошибочное чтение этого места (CICH, стб. 36—38)

⁴ Так, например, Менуа говорит: ali 'aše manu arubi LÚ huradinaue^{MES} (CICH, 19, верх. стор., стк. 15, лиц. стор., стк. 10) «(из числа пленных) мужчин отдал я воинам». Сардури II же отмечает: šeri 'aše ŠAL lutu LÚA·ŠI^{MES}-ue arubi (Летопись, F стк. 28) — «отдельно я (пленных) мужчин и женщин воинам отдал» и т. д.

урартской знати. С течением времени усиление военной и служилой знати приняло угрожающие для царской власти размеры. В позднюю эпоху в Урартском и Манейском царствах часто происходят восстания знати против царя. Обыкновенно каждая неудача центральной власти, например, в столкновении с иноземным войском, дает толчок к таким восстаниям «правителей областей», военачальников и других представителей знати, часто объединяющихся против царской власти. Из писем информаторов ассирийского царя Саргона II (722—705) по урартским делам мы узнаем о крупных восстаниях против урартского царя его вельмож, «правителей областей» и военачальников, в том числе и главного военачальника (туртана) Каккадану, после того поражения, которое урартский царь понес в столкновении с киммерийцами. Урартскому царю все же удалось подавить эти восстания¹. Из надписей Ашшурбанипала мы узнаем, что такие же последствия имело поражение манейского царя Ахшери в войне с ассирийским войском Ашшурбанипала. В надписях говорится, что против Ахшери восстал народ его же страны. Ашшурбанипал отмечает, что Ахшери попал в руки «своих слуг». Царь, члены его семьи и братья были убиты. Восставшие посадили на манейский престол сына убитого Ахшери — Уалли².

Как было отмечено выше, одной из главных основ политической мощи военно-служилой знати являлось ее господство в урартском войске. Правители Урарту и Мана в позднюю эпоху, стремясь усилить свои позиции в борьбе со знатью и сделаться независимыми от нее в военном деле, начинают все более и более широко пользоваться наемными отрядами. Для этого в то время открывается прекрасная возможность: появившиеся с конца VIII в. на границах Урартского и Манейского государств кочевые племена скифов и киммерийцев, беспокоившие постоянными набегами население этих царств, представляли для этого прекрасный материал. Цари Урарту и Мана скоро начинают понимать, что полезнее будет поселить этих кочевников на территории своих царств и использовать их отряды в качестве наемного войска, чем бороться с этими отрядами воинственных северных народов. В политической жизни ближнего Востока в VII в. до н. э. скифы и киммерийцы играли большую роль благодаря использованию их отрядов правителями крупных древневосточных государств в борьбе со всеми противниками. Особенно широко пользовались отрядами скифов и киммерийцев в борьбе против Ассирии северные государства — Мидия, Урарту, Мана, хотя известно, что в этом направлении делались попытки и со стороны Ассирии³. По ассирийским источникам хорошо видно, в каких больших масштабах использовались скифские и киммерийские наемные отряды манейскими царями. Из одного письма Куюнджикского архива (WRCAE, № 1237), которое адресовано Асархаддону, мы узнаем, что киммерийцы активно вмешиваются в происходящую между Ассирией и Мана борьбу на стороне последней. Это обстоятельство было налицо и тогда, когда Асархаддон послал войска против манейского царя Ахсири (Кп., № 24). В своей летописи Асархаддон хвалится тем, что он рассеял непокорных манейцев, а также одолел скифа Ишпакаи, союз с которым не спас их (манейцев) от поражения (ARAB, II, 533). Как мы узнаем из религиозных текстов эпохи того же Асархаддона, часть скифов в это время жила и на территории страны Манейцев (Кп., № 35) и т. д. Отсюда ясно, что манейские цари, поселив определенную массу скифов и киммерийцев на терри-

¹ WRCAE, №№ 144, 146, 197, 444, 1079 и др.

² А. С. Pierkorn, Editions E, B₁₋₅, and K of the Annals of Ashurbanipal, 1933, стр. 50 сл.; ARAB, II, 786, 851 сл.

³ Ср. Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, 1949, стр. 122—123.

тории своего царства, пользовались их отрядами в качестве своего наемного войска против внешних и внутренних врагов.

Цари Мана в этом отношении вовсе не являлись исключением. С таким же положением, как выясняется, мы имеем дело и в соседнем Урартском государстве. В тех же ассирийских религиозных текстах эпохи Асархаддона киммерийцы упоминаются в связи с урартским царем Русой II: Асархаддон озабочен и желает узнать от бога Шамаша, осуществляются ли замыслы Урсы (т. е. Русы II, сына Аргишти), правителя Урарту, или народа гимирров, пойдут ли они в поход к земле Шуприа, «чтобы убивать, захватывать и грабить» (Кн., № 48). Конечно, не случайно, что здесь киммерийцы и урартский царь Руса упоминаются вместе — несомненно, в этом документе подразумевается, что киммерийцы находятся на службе у урартского царя.

То, что в царствование Русы II в самом деле имело место использование отрядов киммерийцев в качестве наемного войска, как нам кажется, хорошо видно из одного события этого времени. Выше уже было отмечено, что в надписи Русы II (685—645), найденной в Адильджевазе, упоминаются пленные мушки, которых этот урартский царь, повидимому, поселил в этом месте. Таким образом, надпись содержит косвенное свидетельство о совершенном урартцами в эпоху Русы II походе на запад, против страны мушков¹. Нам думается, что воспоминание об этом походе сохранила также греческая традиция. Царство мушков ассирийских и урартских источников известно в древнегреческой традиции под названием Фригийского царства. Царя мушков *Mitâ*, например, который многократно упоминается в ассирийских источниках, греческая традиция знает как царя Фригии Мидаса. Этот *Mitâ* — *Midas* многократно упоминается в надписях Саргона II (722—705), а также в одном религиозном тексте эпохи Асархаддона². В царствование Мидаса мушки подверглись нашествию со стороны киммерийцев. Мидас, потерпев поражение, покончил с собою, напившись бычачьей крови (Strabo, I, 3, 21). Евсевий указывает на 696 г. до н. э. как на дату этого события, согласно же Африкану это произошло в 676 г. Имеется дополнительный материал (например, известие Гелланика), свидетельствующий о правильности даты Африкана, и эта последняя, можно сказать, является общепринятой в специальной литературе, хотя некоторые исследователи полагают, что для этого события лучше подошел бы 675—674, чем 676 г. до н. э.³

Таким образом, согласно греческой традиции, в 676 г., т. е. как раз в то время, когда в Урарту царствовал Руса II, мушки (фригийцы) подверглись нашествию со стороны киммерийцев; согласно же урартским источникам, как было уже отмечено, в царствование Русы произошел поход урартцев на страну мушков, во время которого было захвачено и угнано в Урарту много пленных. Вышеприведенное свидетельство ассирийских текстов эпохи Асархаддона, которое подразумевает киммерийцев на службе у Русы II, дает, по нашему мнению, возможность объединить свидетельства урартских и древнегреческих источников и прийти к выводу, что, по всей вероятности, в обоих источниках речь идет об одном и том же событии, о происшедшем в 676 г. походе урартского царя Русы II, в войске которого, очевидно, значительную (возможно, преобладающую) часть составляли наемные отряды киммерийцев, против мушков.

¹ См. Г. А. Меликишвили, Клинообразная надпись урартского царя Русы II из Адильджеваза, «Сообщения АН Груз. ССР», XI, № 10 (1950), стр. 689.

² Кн., 51: «Mi-it-ta-a владыка (страны мушков?)».

³ RE, 21-й полутом (1921), стб. 413—414 и 31-й полутом (1933), стб. 351.

То, что значительные массы скифов и киммерийцев¹ в VII в. жили на территории Урартского царства, подтверждается также данными археологических исследований. Известно, что во время раскопок на Кармир-блуре было найдено немало скифских предметов или предметов, отражающих связь со скифским искусством, что, по мнению проф. Б. Б. Piotровского, указывает на регулярные сношения скифов с урартийцами еще в эпоху существования Урартского царства¹.

Вышестепенные обстоятельства показывают, насколько шатким должно было быть в VII в. до н. э. положение Урарту, цари которого были вынуждены все более и более опираться на наемные войска. Вскоре результаты этого сказались — в начале VI века Урартское государство было разгромлено.

¹ Б. Б. П и о т р о в с к и й, История и культура Урарту, 1944, стр. 306, 324; он же, Город бога Тейшебы, ВДИ, 1948, № 4, стр. 149; он же, Кармир-блур, 1950, стр. 86—97.